Поцелуй / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Поцелуй / рассказ ПОЦЕЛУЙ

Никита жил в маленьком домике с цветником и палисадником. Это был предел его мечтаний – после многих лет тяжёлой трудовой жизни и скитаний, работы водителем-дальнобойщиком, насыщенной дорожными нервотрёпками. Скопив под старость немного деньжат, Никита поселился в пригородном посёлке и, казалось, обрёл наконец долгожданный покой.
Жил он холостяком – так вот сложилось. Но особенно по этому поводу не комплексовал, ибо с молодости не любил шума, гама и суеты – пусть даже и семейной. Пенсию платили исправно, соседи по участку попались хорошие, и вообще быт Никиты протекал тихо, мирно, что, собственно говоря, и нужно ему было.
По субботам он, как водится, частенько захаживал в местный бар – поболтать с мужиками, поговорить о том, о сём. Беседовали о чём угодно – о машинах, о женщинах, о пиве и – реже, правда, – о политике. Политику затрагивать лишний раз было опасно, поскольку авторитарный режим Дона Базилио такие темы не поощрял, но, в принципе, если Дона Базилио не ругать, а хвалить – то это с рук сходило.
Впрочем, мужикам Дон всё равно нравился, они считали его конкретно крутым и хвалили охотно. Особенно завсегдатаям бара казалась интересной одна деталь из жизни Никиты – дело в том, что Никита когда-то в детстве учился (вы не поверите!) в одной школе с Доном Базилио (тогда нынешнего президента ещё звали просто Васькой). Никиту каждый раз просили рассказать об этом своём однокласснике; бывший дальнобойщик по традиции очень смущался и отнекивался, но мужики настаивали, и в конце концов получали свой рассказ. За кружкой хмельного Никита долго и подробно – ну, конечно, немного приукрашивая, не без того – вспоминал о своей дружбе с будущим диктатором, а посетители заведения, обступив рассказчика, восторженно слушали и заказывали ему ещё и ещё.

Так и текли дни за днями, и никакие политические невзгоды на горизонте не могли поколебать устоявшийся быт. Никите было здесь, на малой родине, хорошо, он считался уважаемым человеком и готовился достойно встретить спокойную старость.

***

В один из дней перед домиком Никиты затормозил огромный чёрный служебный автомобиль. Из него выскочило несколько агентов, взявших под контроль весь участок.
— Одевайтесь! — коротко приказал Никите мрачный человек в тёмных очках и с тросточкой. — Возьмите с собой самое необходимое. Поедете с нами.
Никита ошарашенно посмотрел на него, но возразить не решился. Молча он побросал в саквояж обычный для дальнобойщика минимальный запас вещей и так же молча вышел с сопровождающими из дома.
Они все сели в машину и ехали долго, очень долго — непонятно куда и в гробовой тишине.
Наконец чёрный автомобиль подъехал к задним воротам роскошного, знаменитого президентского дворца, охраняемым целым батальоном угрюмых автоматчиков.
— Вас желает видеть Его Превосходительство Президент Дон Базилио, — сурово сообщил человек в тёмных очках. — Об этом визите вы никому не можете сообщить под страхом смерти.
Никита испуганно закивал, и его, окружив со всех сторон (на всякий случай) провели по длинным и сумрачным коридорам исполинского сооружения.
На верхнем этаже Никиту втолкнули в белый зал, выполнявший роль приёмной у заветного кабинета. Охрана сверилась с документами, внесла все необходимые записи в регистрационные книги, обыскала Никиту (на всякий случай) и — дала добро на пропуск в святая святых империи, в самое сердце государства.
Никита, робея, вошёл. Он очутился в гигантских размеров помещении, в глубине которого восседал за мраморном столом, на золотом стуле Верховный Правитель десятой части человечества.
— Гос… Господин През… Прези… Госпо… — у Никиты никак не

получалось выговорить приветствие от волнения.
Дон Базилио встал со стула и сам решительно направился к прибывшему. Никита с замиранием сердца узрел перед собой вредного седого старика, сгорбленного от времени под бременем ответственности, но, тем не менее, не потерявшего президентского лоска и величественности. Диктатор опирался на палку при ходьбе — следствие одного из покушений, и был облачён во всё чёрное.
— Ну, здравствуй, Никита! — хищно улыбнулся президент, раскрывая объятия для старого школьного друга.
Никита обомлел, не зная, как поступить, но подбадриваемый Доном Базилио, всё же рискнул обнять священного человека.
Сердце у Никиты забилось, как колокол на главном соборе столицы.
— Давненько мы с тобой, давненько… — говорил президент, проводя гостя в глубину помещения. — Амброзию будешь?
— Э… А…
— Амброзия — это напиток богов, — пояснил Дон Базилио, наливая Никите полный бокал чего-то волшебного. — Увидишь, тебе понравится.
Никита сел в кресло и принялся растерянно крутить головой. Всё в этом неземном дворце приводило его в трепет.
— Я слышал, ты работал всю жизнь водителем, — продолжал между тем Дон Базилио, закуривая изящную сигару. — Понимаешь, мне пришлось расстаться с моим предыдущим шофёром — его вчера расстреляли, — и поэтому мне очень нужен новый работник, преданный и знающий, который мог бы принять на себя ответственность за мою жизнь.
— Э… А… — попробовал ответить Никита.
— Ничего, ничего, не возражай, — Дон Базилио взглянул на Никиту с дружелюбием леопарда. — Я как раз вспомнил про моего старого школьного товарища и понял, что лучшей кандидатуры не отыскать. Будем вновь вместе с тобой, как в прежние времена!.. — Президент выдохнул в потолок сигарный дым. — Я надеюсь, ты не откажешься. Потому что ещё никто не отказывался в этом государстве от моих предложений. — Глаза Дона Базилио сверкнули недобрым огнём.

— Жить будешь во дворце. И постоянно будешь находиться при мне — я тебе полностью во всём доверяю.
Дон Базилио прошёлся по залу, постукивая своей знаменитой палочкой. Ухмыльнулся.
— Ты многое, многое здесь увидишь. И многому — многому я тебя научу.
Плотоядная улыбка Дона Базилио гипнотизировала Никиту, и он как будто кружился в каком-то полусне, не находя слов, не находя возражений.
Президент напоследок заглянул в Никитины глаза — в самую их глубину — и мягко, вкрадчиво, елейным голосом спросил:
— Ты ведь согласен со мной, Никита?..
И подставил руку с перстнем для поцелуя.

***

Дальше начались новые трудовые будни. Никита получил красивую форму, четыре президентских лимузина — никто и никогда не знал заранее, на каком из них Дон Базилио выедет в город, и собственные апартаменты в одном из крыльев гигантского здания. Правда, в душе Никита мечтал совсем о другом — по ночам ему снился маленький домик с цветником и палисадником, и субботние посиделки в баре с мужиками, и тихая размеренная поселковая жизнь.
Здесь, во дворце, увы, приходилось забывать об этом.
Каждый день начинался с того, что приближённые Дона Базилио — и Никита в том числе — целовали, склонившись, президентский перстень на указательном пальце шефа. Таковы были правила во дворце. Все министры, помощники и адъютанты, а также сотрудники спецслужб ходили постоянно с тросточками, хотя практической потребности в них не было — просто всем хотелось поддержать президента после пресловутой аварии. И все пили амброзию — точнее, слизывали капли с использованных президентских бокалов; Никите между тем дозволялось наливать себе из графина сколько угодно, но на практике новый водитель, конечно, ничего подобного себе не позволял. Всё-таки, что ни говорите — а жизнь Дона Базилио не шутка!..

Правил президент жёсткой рукой. Все газеты, журналы и телевидение в стране принадлежали лично ему, да и Интернет был объявлен государственной собственностью. Никаких оппозиционных движений не существовало — точнее, их было несколько, но каждое из них отличалось друг от друга и от государственных политических организаций очень незначительно: например, правые требовали, чтобы должность Дона Базилио была официально переименована в «императора», а левые — в «генерального секретаря». Но все сходились на том, что главное, конечно, не форма, а величественное содержание самого носителя.

Никита возил своего патрона надёжно и торжественно — каждый день. В любую точку столицы, а бывало и в регионы. Всюду Дона Базилио встречали толпы поклонников и поклонниц; особое беспокойство спецслужб доставляли женщины-патриотки, которые желали во что бы то ни стало броситься под колёса президентского бронированного лимузина. Увы, в стране — и в глубинке, в частности, — до сих пор бытовало поверье, что только таким способом можно забеременеть от самого великого человека эпохи.

Однажды Дон Базилио приказал Никите отвезти себя к главной имперской тюрьме. Там их подобострастно встретило всё тюремное начальство — да и командование внутренних войск МВД. Президент, захватив с собой шофёра, прошествовал по длинным мрачным коридорам, переходам и казематам, чтобы в конце концов подойти к камере смертников и заглянуть в глазок.

Никита ждал поодаль, перетаптываясь с ноги на ногу.

Дон Базилио смотрел в глазок долго. Потом хмыкнул — и жестом повелел, чтобы в камеру заглянул и Никита. Там, в потёмках можно было с трудом различить узника — известного в былом политического деятеля, а ныне закованного в цепи, Гигантеско.

— Вот, мне передали бумаги на рассмотрение, — сказал, подняв бровь, президент. — Это прошение о помиловании этого человека. Как ты считаешь, Никита, его стоит помиловать?

— Да, конечно, — заикаясь, ответил шофёр. — Пусть человек живёт…

— Гм. — Дон Базилио улыбнулся своей фирменной загадочной улыбкой, от которой любого бросало в дрожь. — Помиловать,

говоришь… Когда-то мы вместе с ним, с этим Гигантеско начинали политическую карьеру. Дружили, помогали друг другу, выполняли первичные партийные поручения. Но потом он как-то неожиданно пошёл в гору. Активист, красавчик, хороший оратор – его так и приглашали на все мероприятия, провожали на трибуну, включали в президиумы и потом – после собраний – желали услышать его мнение за кулисами, на партийных банкетах. А меня – никто тогда не замечал… Моё время пришло позже – и другим путём…
– Я, – продолжал Дон Базилио, – когда пришёл к власти, сделал всё, чтобы Гигантеско поднялся на политический олимп. Я обеспечил поддержку его движению, фактически сделал его лидером оппозиции, заставил толпу его боготворить – до определённого момента. А когда мне стало нужно, то мои люди уничтожили его… Ему подбросили поддельные документы, якобы свидетельствующие о том, что он – иностранный шпион, работающий на заокеанскую разведку. И также допустили «утечку» досье с компрометирующими материалами… В результате от него отвернулись все – и даже семья и друзья, он оказался изгоем, и мы судили его справедливым судом, приговорив к высшей мере наказания… Так что я не могу помиловать этого человека, не проси меня, Никита, нет.
Решительным движением Дон Базилио разорвал в клочья прошение о помиловании и подбросил их в воздух.
– Будем считать, что я отказал. – И он улыбнулся вкрадчивой, сладенькой улыбкой: – Ты ведь согласен со мной, Никита?..

***

Возвращаясь в город, проезжая по оцепленным, всюду перегороженным улицам – специально, чтобы пропустить кортеж президента, – в одном месте Никита таки обнаружил небольшую толпу, состоящую из представителей полиции. Никита волей-неволей притормозил.
– Что случилось? – строго спросили сотрудники президентской охраны у полицейских.
– Извините, – отрапортовал старший офицер, отдавая честь, – но только что с этого небоскрёба упал человек – прямо на

мостовую. Мы вынуждены убрать труп с дороги.
— Личность установлена? — президентская охрана не дремала.
— Так точно! Это бывший олигарх Рублевич, о котором столько много писала когда-то пресса!
— Рублевич… — послышался голос президента изнутри лимузина, и Дон Базилио, опираясь на палочку, выбрался из автомобиля на улицу. Охрана мигом окружила его, расчищая дорогу от полицейских — чтобы шеф мог без помех подойти к распластанному телу на мостовой.
— Никита, сюда! — отдал распоряжение президент, стоя над остатками того, что раньше было человеком.
Никита присоединился к начальнику, сглатывая слюну и стараясь не опускать глаза вниз.
— Видишь? Смотри! — приказал президент. — Это Рублевич… Был когда-то такой бизнесмен, крупный предприниматель… — и Дон Базилио усмехнулся. — Я даже работал у него. В молодости. Он был руководителем моего предприятия, учил меня уму-разуму, требовал дисциплины. Поучал, читал нотации. Ты представляешь, Никита, — МЕНЯ поучал? Я, когда стал президентом, позволил ему построить экономическую империю, способствовал тому, чтобы он стал богатейшим человеком планеты, одним из любимчиков глянцевых журналов с их светской хроникой. А потом… Потом я убрал его, стёр в порошок, предоставив заведомо неверную информацию, в результате чего все его проекты потерпели сокрушительный крах. И все до единого его предприятия обанкротились. Я сделал так, Никита, чтобы дети его стали наркоманами, а жена пошла на панель. И сам он, доведенный до отчаяния, спрыгнул с этого небоскрёба…
Никита стоял ни жив, ни мёртв и слушал шефа. В горле у него першило, и сосало под ложечкой.
Он ничего, ничего не мог сказать, ибо улицы города плыли сейчас у него перед глазами…
Дон Базилио оторвал взгляд от трупа и перевёл глаза на Никиту. По-прежнему опираясь на палочку, он спросил, улыбнувшись какой-то своей особенной улыбкой:
— Ты согласен со мной, Никита?..

***

Тучи над империей сгущались. Каждый день приходили вести о том, что напряжённо стало на границах; Дон Базилио сосредоточил в разных концах страны огромные армии, откровенно провоцирующие соседей и угрожающие им.
Чуть ли не каждый вечер в президентском дворце проходили совещания генералитета и высшего командования.
Генералы прибывали к Дону Базилио организованно, строем, с пухлыми портфелями, содержащими планы нападения на все страны мира, и с тросточками, которые стучали по мраморным полам и лестницам дворца, пока их владельцы поднимались к главнокомандующему.
Как и полагалось по традиции, генералы, сняв свои чёрные очки, прикладывались каждый раз к президентскому перстню.
Никита, как правило, дежурил в приёмной, встречая посетителей и провожая их. Но бывало, что Дон Базилио и приглашал его принять участие в совещаниях, даже демонстративно предоставляя слово.
— А что думает о таком-то плане наш школьный друг Никита? — спрашивал, заговорщицки улыбаясь, президент.
— Э… А… — отвечал Никита, желая в этот момент только одного — провалиться сквозь землю.
Генералы — весь высший генералитет империи — смотрели на него и молчали.
А по ночам Никита, предоставленный наконец самому себе, лежал без сна в достойной короля постели и думал про свой маленький-маленький домик в предместье. С маленьким славненьким палисадничком… С хорошеньким таким цветничком…
Однажды после совещания, когда все генералы вышли, Никита остался с президентом один на один. Дон Базилио подошёл, прихрамывая, к горящему камину, опёрся на палку и долго-долго смотрел в огонь, не обращая внимания на шофёра. Потом закурил. Вернулся к столу. Налил себе амброзии. Взял какую-то книгу со стола. Полистал. Бросил Никите…
— Гляди! — произнёс Дон Базилио в тот момент, когда Никита поймал на лету увесистый том. — Узнаёшь? Да-да, это именно он

— наш известный когда-то писатель… Наш директор Педагогер — директор нашей с тобой школы…
Никита осторожно полистал книгу, которую держал в руках.
— Помнишь его?.. — спросил Дон Базилио, попивая из бокала божественный нектар. — Он ещё тогда хотел мир изменить, пытался в нашей школе особые демократические порядки ввести, чтобы учащиеся сами управляли школой, говорил, что любит детей… Помнишь? А меня он — вот в чём дело — не любил. Считал, что я позор школы, вызывал на педсовет, пытался исключить даже… Я потом, уже через много лет сам разрекламировал книгу Педагогера о детях и обучении, сам добился того, чтобы его опубликовали ведущие мировые издательства. Он в конце концов стал образцом писателя, защищающего детство, бешено популярным среди интеллигенции; я даже Нобелевскую премию по литературе для него отстоял. Педагогер! Великий Педагогер! А ещё через несколько лет я тайно финансировал кампанию по его дискредитации. Его обвинили в педофилии — наши спецслужбы постарались. Книги его были намеренно изъяты из всех библиотек мира и сожжены; перед тобою, Никита, — единственный оставшийся в мире экземпляр. Больше ни одного не сохранилось…
— Ты в курсе, Никита, — Дон Базилио стряхнул пепел сигары в камин, — что этот наш бывший директор и горе-писатель теперь кончает свои дни в психбольнице? Сейчас его вряд ли кто помнит. Вот и ты, наверное, его судьбу подзабыл — про этого человека вспоминать в хорошем обществе не принято. Как ты думаешь, Никита, был ли я прав?
Никита, весь вспотев от волнения, неуверенно закивал головой.
Дон Базилио смерил его пристальным взглядом и посмотрел в огонь.
— Я надеюсь, — сказал он, — что ты согласен со мной, Никита…

***

Война фактически уже началась. Инциденты на границах стали столь многочисленными, что о них даже уже перестали упоминать в ежедневных выпусках новостей. Вся империя, не обращая внимания на мелкие подробности, кипела от возмущения в едином

патриотическом порыве. Защита Отечества, защита Отечества — вот общая мысль, которая носилась теперь в воздухе, без деталей, вот, о чём говорили в салонах и СМИ, в автобусах, поездах, гостиницах и на базарах, и даже в барах — сельских барах не было иных тем для обсуждения за кружечкой-другой.

Происходившие события тяжело отразились на Доне Базилио. Видно было, как он в последнее время сдал. И без того сгорбившийся, теперь он сгибался ещё больше, и лишь палка — его ставшая притчей во языцех палка помогала ему держаться на ногах; в конце концов она стала даже определённым символом эпохи.

Никита очень волновался за своего шефа. Ему тяжко было видеть, как гнетут президента мысли о священной войне со всеми странами мира, как он переживает денно и нощно за судьбу всего человечества — впрочем, так пока и не могущего взять в толк, что душа Дона Базилио за него болит.

Никита возил своего шефа — и плакал, ночами; во всяком случае, тогда, когда не думал о маленьком домике, оставшемся где-то в его памяти как светлый символ всего лучшего, что есть на земле.

В один из вечеров Дон Базилио самолично зашёл в комнату Никиты, где тот предавался размышлениям о чём-то необыкновенном, лёжа на кровати и разглядывая потолок.

— Пойдём, — коротко бросил президент, подрагивая и цепляясь за свою палку. Выглядел он, конечно, не очень — маленьким и усталым, от непомерного груза забот.

— Оденься получше, — посоветовал Дон Базилио. — Ты мне сегодня понадобишься красивым.

Никита кивнул и не заставил себя ждать. В сопровождении охраны — молодчиков в тёмных очках и с тросточками — они оба прошествовали через весь дворец и вышли на балкон, перед которым, оказывается, скопилось чёртова уйма народу.

В свете прожекторов Дон Базилио появился перед людьми, помахивая рукой, чем вызвал небывалый взрыв оваций и криков с изъявлением патриотических чувств.

Дон Базилио встал на балконе перед гражданами страны — спокойный, целеустремлённый, с несгибаемой волей и твёрдым взглядом — и обратился к народу.

— Соотечественники! — сказал он. — Сегодня, только что — пять минут назад — я подписал документы об объявлении войны тридцати семи вражеским государствам! Наши доблестные войска готовы сокрушить противника — в его логове, раздавить гадину, пока она не подняла свои смердящие головы медузы Горгоны! Смерть оголтелым империалистам! Гибель и чудовищные мучения тем, кто сомневается в величии нашей страны!!!

Народ сорвался. Площадь перед дворцом огласилась воплями миллиона глоток, и люди пели, и радовались, и некоторые — особенно дамы — падали в обморок от счастья в недалёком будущем умереть.

Прожектора гуляли по площади, озаряя единый патриотический порыв, где-то недалеко от центра рванули залпы салюта, а Дон Базилио стоял, опираясь на палку, — светлый и мужественный, и вся ночь покорялась ему.

— Друзья! Соотечественники!.. — продолжил внезапно Дон Базилио. — Я хочу вам сказать вещь очень важную для вас — и для судеб нашей страны…

Толпа послушно поутихла.

— Я стар. Увы, бремя неустанной заботы об Отечестве состарило меня — и вы, я думаю, не будете на меня в обиде. Всякое может случиться, тем более в охваченной пламенем войны стране. Я должен — я обязан! — выбрать себе преемника, чтобы было кому возглавить наш народ и одолеть супостата, если так сложатся обстоятельства. Вы имеете право знать, кто после меня подвигнет вас на подвиги и кто поведёт на бой. Прошу вас — познакомьтесь с моим другом и соратником Никитой, великим человеком и хранителем моих идей! Никита, выходи!..

Никита, стоя позади от Дона Базилио, побледнел, а миллионная толпа взвыла от восторга.

— Представляю вам наследника! Преемника! Будущего президента лучшей империи на земле! Славьте его! Славьте! Слушайте!..

Никите показалось, что он сейчас упадёт в обморок. Охрана президента вежливо, но настойчиво подтолкнула его вперёд, и бывший дальнобойщик очутился лицом к лицу с невероятным количеством впавшего в экстаз народа.

— Слава!!! Слава-а-а!!! Да здравствуе-е-ет!!! Смерть врагам!!!

Ура! Урра! Урррра-а-а-а!!! — гремело тут и там.
Никита вяло помахивал рукой, между тем как Дон Базилио, согнувшись пуще прежнего, тихо покинул балкон дворца в сопровождении телохранителей.
Осторожно, стараясь не бросаться в глаза, пользуясь минутной расслабленностью беснующихся людей на площади, Никита тоже проскользнул в дверь, отделяющую балкон от церемониального зала. Он кинулся, взволнованный, за сотрудниками охраны, окружавшими внезапно почувствовавшего себя плохо президента.
Охрана словно растворилась в помещении дворца. Наконец Никита нашёл их — Дон Базилио сидел в просторном старинном кресле одного из рабочих кабинетов, откинувшись на спинку и схватившись рукой за сердце, и вид у него был болезненный как никогда. Палка — знаменитая президентская палка — валялась на полу, рядом с креслом…
У Никиты от всего увиденного мурашки побежали по коже.
Он тихонько подошёл к президенту, и охрана почтительно расступилась, склонив в печали головы. Дон Базилио едва-едва дышал.
— Мы позвали за доктором, — сообщили Никите. — Он сейчас прибудет, а вы пока пообщайтесь с шефом, он очень хотел увидеть вас…
Никита встал на колени перед Доном Базилио, оглянулся — и охрана тотчас же отодвинулась на достаточное, чтобы они остались наедине, расстояние, затем взял патрона за руку, заглянул ему в глаза…
— Почему? — тихо спросил Никита. — За что?..
— А-а… — президент с трудом пошевелился. И выдавил из себя: — А ты помнишь Надьку из 8-Б? Помнишь?.. Она ведь тогда выбрала тебя. И ТЕБЯ тогда поцеловала!.. — В глазах его на миг сверкнула ненависть.
Никита беззвучно заплакал.
В этот момент Дону Базилио сделалось совсем худо, он застонал, попробовал было расстегнуть ворот рубашки — но не успел. Рука его безжизненно упала с кресла и повисла — с президентским перстнем на ней…
Прибывшему с ничтожным опозданием врачу оставалось только

констатировать смерть.

***

Зал наполнился министрами, советниками и помощниками очень скоро, не прошло и нескольких минут. Все они почему-то пришли сейчас без палочек и тросточек. Все столпились за креслом умершего президента и стояли растерянные, подавленные, с убитым видом.
Наконец госсекретарь снял с пальца упокоившегося Дона Базилио президентский перстень. С глубоким поклоном он надел его на палец Никите.
Министры и помощники оживились.
Мало-помалу, сначала по одному, а потом выстроившись в очередь, они подходили к своему новому начальнику и почтительно прикладывались губами к перстню.
Никита стоял с отсутствующим видом; он вообще плохо понимал, что сейчас происходит, и мыслями был в прошлом и в своём маленьком домике – в предместье столицы.
Госсекретарь коротко объявил, что президент должен быть приведен к присяге – в условиях военного времени церемониал сократился до минимума. Никита обалдело кивнул, всё ещё не понимая, что речь идёт именно о нём, и стал по стойке смирно рядом с высшими сановниками страны.
Верховный судья торопливо произнёс:
– Представляю вам Дона Никитио – нашего отца; отныне именно на нём лежит вся ответственность за судьбы страны!.. Заботьтесь о ней неустанно!
И протянул конституцию для поцелуя.
К Дону Никитио приблизились представители госбезопасности.
– Ваше Превосходительство, Вам нужно появиться на балконе перед народом и вдохновить людей в нынешней нелёгкой ситуации.
– Ваше Превосходительство, – потянули его с другой стороны, – пожалуйста, подпишите декрет…
– Господин Президент, последние новости с фронтов…
Дон Никитио, чуть ли не разрываемый на части, смотрел на всех вымученным взглядом. Врач неслышно подошёл к нему и деликатно

кашлянул.
— Вы не возражаете, Ваше Превосходительство, против небольшого укола, который придаст Вам сил… — и, закатив рукав нового президента, вколол ему в руку что-то, что предписано медициной и государственной службой, осуществляющей соответствующий контроль.
Дон Никитио слабо улыбнулся, почувствовав тепло, разливающееся по телу.
Его прямо-таки потащили к балкону.
Спецкурьер сумел перехватить президента в последний момент:
— Прошу Вас! Ознакомьтесь с секретными донесениями!..
Дон Никитио взял дрожащими руками протянутые бумаги и попробовал их прочитать. Смутно он понимал, что речь в них идёт о высадке вражеского десанта в столице, о том, что империя пылает со всех сторон, что границы смяты и миллионы беженцев снялись со своих насиженных мест, что флот соседних государств потопил флот имперский. И что на западе и на востоке неприятель сбросил на наши города атомные бомбы. Но всё это меркло по сравнению с маленьким домиком, который упрямо появлялся, несмотря ни на что, на белом непослушном листе…
Советники, помощники и министры чуть ли не в спину подтолкнули нового верховного главнокомандующего к двери на главный президентский балкон. Дон Никитио, дрожа, бросил взгляд сквозь стекло на площадь. Она была запружена народом — гораздо более, чем полчаса назад, и люди с каждой минутой всё прибывали и прибывали. Всё пространство заполнила песнь — великий патриотический гимн, и стёкла задрожали от миллионов вибрирующих глоток.
Двери на балкон распахнулись — и небо, чёрное небо озарилось светом мощнейших прожекторов.

Олег БОНДАРЕНКО. Hekaýalar